

Константин СИМОНОВ

УЧИТЕЛЬ

Человеку исполнилось семьдесят лет. За плечами — большая трудовая, рабочая жизнь. Так не принято говорить о поэтах. Но я настаиваю именно на этих словах: трудовая, рабочая. В применении к этому человеку прекрасные слова «ни дня без строчки» — не метафора, а жизненное правило, если хотите, привычка, рожденная чувством долга. За плечами — книги стихов и поэм, книги поэтической прозы и книги о поэзии, о том, что она такое и каково ее место в жизни людей. За плечами — однотомники и двухтомники избранных произведений, многие сотни статей и рецензий, в которых говорится о поэзии Павла Антокольского, говорится чаще всего по справедливости, с любовью и уважением, хотя — из песни слова не выкинешь — случалось и наоборот.

Из семидесяти лет жизни пятьдесят отданы работе в поэзии. И если мысленно выстроить все написанное за эти полстолетия Антокольским в один огромный поэтический дневник, перемежающийся порою страницами прозы, то мы

увидим, как прожил эти полстолетия подлинный русский интеллигент в самом высоком смысле этого слова, человек, принявший в свое сердце Советскую власть и, как верный помощник этой власти, с полной отдачей сил всю жизнь служивший своему народу — на поприще театра, на поприще поэзии, на поприще воспитания молодого поколения. А если сказать точнее — нескольких молодых поколений.

Вряд ли можно в этом коротком отклике сказать что-то новое о талантливой, бурной, драматической и неунывающей поэзии Антокольского. Я люблю весь его неровный, яростный ход, начиная от «Санкюлота» и кончая «Циркачкой». Я люблю ее всю, вместе взятую, с ее вершинами и слабостями и с ее вечным, неослабевающим горением, таким, когда даже ошибки и неудачи все равно никогда не пепел. Даже и в них есть огонь, даже и о них можно обжечься.

Но Антокольский в истории нашей советской поэзии занимает место не только тем, что он написал сам, но и тем, что он помог написать другим, тем, что он вложил в души других поэтов, своим общением с ними, своими советами, своей дружбой, своими заметками на полях рукописей, своей прямоотой, добротой, непримиримостью.

Удивительное дело, начинаешь перебирать в памяти всех тех поэтов, кто ходил к Антокольскому на его семинары в Гослитиздате и в Литературном институте и на его самый главный семинар, открытый в любой час дня и ночи, — к нему домой, и иногда не вспомнишь сразу всех, всякий раз непременно кого-нибудь забудешь — так нас много было у него одного.

Наверное, и сейчас я перечислю далеко не всех, но все-таки мне хочется напомнить, что работа Антокольского в поэзии — это не только работа над собственными стихами. Это и *работа над нами*. Над теми, кто приходил к нему, учился у него, робел перед ним, спорил с ним, принимал или не принимал его советы и снова ходил к нему, и снова учился у него.

А кто это мы? Мы — это люди разных поколений, разного возраста, разных поэтических стилей и пристрастий. Многие из нас далеки друг от друга, но в наших поэтических путях есть общая точка пересечения, хотя порой и разная по времени, и эта точка пересечения — наш общий учитель Антокольский.

Мы — это, если говорить о моем поколении, Алигер и Долматовский, Сергей Васильев и Владимир Лифшиц,

П. Антокольский. Ленинград. Александринский театр. 60-е годы.

Островой и Матусовский, Панченко и Коваленков, Дудин и я, пишущий эти строки.

Если говорить о следующем поколении, чуть помоложе, мы — это Луконин и Межиров, Слуцкий и Наровчатов, Сергей Орлов и Михаил Львов. Это и Расул Гамзатов, и Козловский, и Гребнев.

А если еще моложе, уже после войны, то мы — это и Рождественский, и Евтушенко, и Ахмадулина.

И Кашежева, и Волгин, и другие, совсем молодые, двадцатилетние, — это тоже мы, ученики Антокольского.

Я говорил о живых, но есть и ушедшие. Стрельченко,

Копштейн, Кульчицкий, Коган, Гудзенко, Недогонов. Все они тоже когда-то в юности проходили университеты Павла Григорьевича Антокольского.

Даже странным иногда кажется: неужели один и тот же человек мог стольким разным людям дать в их молодости так много, что они потом не забывали об этом всю свою поэтическую жизнь? Неужели можно на протяжении стольких лет, не оскудевая, делиться с молодежью всем, что у тебя есть, — опытом, знаниями, умением, запасами доброты, наконец, собственным сердцем?

Да, оказывается, можно. Антокольский доказал это.

Я всего-навсего лишь один из многих, с кем он делился всем, что у него было. Но это имело очень важное значение в моей жизни. И поэтическое, и нравственное. И мне хочется сказать нашему старому учителю в дни его семидесятилетия слова самой глубокой благодарности и пожелать ему, чтобы он еще долго и неукротимо жил и писал!

1966

ДОМ ДРУЗЕЙ

Дом друзей, куда можно зайти безо всякого,
Где и с горя и с радости ты ночевал,
Где всегда приютят и всегда одинаково,
Под шумок, чем найдут, угостят наповал.

Где тебе самому руку стиснут до хруста,
А подарок твой в угол засунут, как хлам;
Где бывает и густо, бывает и пусто,
Чего нет — того нет, а что есть — пополам.

Дом друзей, где удач твоих вовсе не ценят
И где счет неудачам твоим не ведут;
Где, пока не изменишься сам, — не изменят,
Что бы ни было — бровью не поведут!

Где, пока не расскажешь, допросов не будет,
Но попросишь суда — прям, как штык, будет суд;
Где за дерзость простят, а за трусость — засудят
И того, чтобы нос задирали, не снесут!

Дом друзей — в нем свои есть заботы, потери, —
Он в войну и с вдовством и с сиротством знаком,
Но в нем горю чужому открыты все двери,
А свое, молчаливое, — век под замком.

Сколько раз в твоей жизни при непогоде
Он тебя пригревал — этот дом, сколько раз
Он бывал на житейском большом переходе
Как энзэ — как неприкосновенный запас!

Дом друзей! Чем ему отплатить за щедроты?
Всей любовью своей или памятью всей?
Или проще — чтоб не был в долгу у него ты,
Сделать собственный дом тоже домом друзей?

Я хотел посвятить это стихотворенье
Той семье, что сейчас у меня на устах,
Но боюсь, — там рассердятся за посвященье,
А узнать себя — верно, узнают и так!

1954